

Terminological aspects of the regulation of crimes against the external security of the State: historical-legal and comparative analysis

O. G. Solovyev¹, Y. O. Petrova¹

¹P. G. Demidov Yaroslavl State University, Yaroslavl, Russian Federation

DOI: 10.18255/1996-5648-2025-4-642-649

Research article
Full text in Russian

The article analyzes the issues of criminal law protection of state security as one of the key areas of functioning of the rule of law. In the context of global geopolitical instability, increased international competition, cyber threats, information and intelligence pressure from other states, there is an increasing need for an effective criminal law mechanism to protect the sovereignty and stability of the constitutional system of the Russian Federation. The author's analysis of crimes against external security in the historical, legal and comparative aspects is of particular importance, since these norms affect the basic elements of state security: protection from treason, cooperation with foreign structures and espionage. The authors show that without taking into account the historical context, traditions and foreign experience, it is impossible to build an effective model of legal regulation. In modern conditions, it is important to ensure a balance between protecting the interests of the state and compliance with the principles of legal certainty, fairness and proportionality of criminal liability. At the same time, the practical application of these norms causes a lot of discussion in the scientific and law enforcement environment, including in terms of evidence, qualification of acts, the limits of permissible criminal prosecution and protection of individual rights.

Keywords: criminal liability; crimes; state security; external security; state security; espionage; sabotage; disclosure of state secrets

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Solovyev, Oleg G. | E-mail: olegsol1961@yandex.ru
Cand. Sc. (Jurisprudence), Associate Professor

Petrova, Yulia O. | E-mail: julypetrova97@yandex.ru
Cand. Sc. (Jurisprudence), Assistant

Терминологические аспекты регламентации преступлений против внешней безопасности государства: историко-правовой и компаративистский анализ

О. Г. Соловьев¹, Ю. О. Петрова¹

¹Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова, Ярославль, Российская Федерация

DOI: 10.18255/1996-5648-2025-4-642-649
УДК 343.321

Научная статья
Полный текст на русском языке

В статье анализируются вопросы уголовно-правовой охраны государственной безопасности как одного из ключевых направлений функционирования правового государства. В условиях глобальной геополитической нестабильности, усиления международной конкуренции, киберугроз, информационного и разведывательного давления со стороны иных государств возрастает потребность в эффективном уголовно-правовом механизме защиты суверенитета и устойчивости конституционного строя Российской Федерации. Особую значимость приобретает авторский анализ применения языковых технико-юридических приемов в описании преступлений против внешней безопасности в историко-правовом и компаративистском аспекте, поскольку эти нормы затрагивают базовые элементы государственной безопасности – защиту от измены, сотрудничества с иностранными структурами и шпионажа. Авторы показывают, что без учета исторического контекста, традиций и зарубежного опыта невозможно выстроить эффективную модель правового регулирования. В современных условиях важно обеспечить баланс между защитой интересов государства и соблюдением принципов правовой определённости, справедливости и соразмерности уголовной ответственности. При этом практическое применение указанных норм вызывает множество дискуссий в научной и правоприменительной среде, в том числе в части доказательств, квалификации деяний, границ допустимого уголовного преследования и защиты прав личности.

Ключевые слова: уголовная ответственность; преступления; государственная безопасность; внешняя безопасность; государственная безопасность; шпионаж; саботаж; разглашение государственной тайны

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Соловьев, Олег Геннадиевич	E-mail: olegsol1961@yandex.ru Кандидат юридических наук, доцент
----------------------------	---

Петрова, Юлия Олеговна	E-mail: julypetrova97@yandex.ru Кандидат юридических наук, ассистент
------------------------	--

Развитие отечественного законодательства об ответственности за преступления против внешней безопасности государства в советский период прошло несколько содержательных этапов, начиная с революционного законодательства после Октября 1917 года и заканчивая систематизацией норм в УК РСФСР 1960 года. Первые нормативные акты, вводившие понятия «контрреволюция» и «государственные преступления», появились в 1917–1918 гг., включая Декрет СНК «О суде» (24.11.1917), Декрет «Социалистическое отечество в опасности» (21.02.1918) и постановления ВЦИК 1918–1919 гг. [1, с. 117] Эти документы носили чрезвычайный, политико-правовой характер и были направлены на защиту власти Советов в условиях Гражданской войны и внешней интервенции. Основными их особенностями стали идеологизированность терминологии, которая отразилась на характере закреплённых признаков (например, «контрреволюция», «вредительство», «саботаж»); отсутствие системности и юридической точности; акцент на классовую целесообразность; расширенные полномочия карательных органов (ВЧК, революционных трибуналов), а также применение жестких мер без чётких правовых процедур, что отражало использование таких законодательных приемов в экстремальных условиях становления новой государственной власти [1, с. 118].

С принятием Уголовного кодекса РСФСР 1922 года преступления против государства получили новое название – «контрреволюционные». Эти деяния включали любые действия, направленные на свержение власти рабочих и крестьян или подрыв безопасности Советского Союза. Такой подход отражал идеологию раннего советского государства, ориентированную на защиту пролетарской революции и социалистической системы [2, с. 20].

Существенные изменения произошли в 1926 году с принятием новой редакции УК РСФСР и включением в него положений о «контрреволюционных действиях», направленных на подрыв власти, внешнюю безопасность и основные завоевания революции. Положение ЦИК СССР от 25.02.1927 года и последующее Постановление от 06.06.1927 года систематизировали данные составы, дополнив их категориями «особо опасных преступлений против порядка управления» [3]. Уточнение структуры государственной измены, шпионажа, агитации и саботажа закрепляло внешнеполитические угрозы в качестве ключевых объектов охраны. В годы Великой Отечественной войны и послевоенный период принят ряд специальных актов, отражающих внешние угрозы, – от Указа от 19.04.1943 о наказании фашистских пособников до законодательства о мерах наказания за утрату государственной тайны [4, с. 87].

В то же время в УК РСФСР 1926 года были внесены некоторые новшества, такие как использование термина «мера социальной защиты» вместо «наказания», что отражало политическую идеологию того времени. Однако это лингвистическое новшество вскоре было заменено на традиционное

понятие «наказание» в более поздний период. Заметим, что в УК РСФСР 1922 года особое внимание уделялось контрреволюционным преступлениям, которые занимали центральное место в системе охраны государственной безопасности. Так, впервые в статье 57 было дано определение контрреволюционного преступления как деяния, направленного на подрыв или свержение власти Советов, и закреплена возможность применения высшей меры наказания – расстрела.

В свою очередь, статья 64 предусматривала суровую ответственность за организацию террористических актов против представителей власти, независимо от принадлежности лица к контрреволюционным организациям [5, с. 45]. УК РСФСР 1926 года, развив положения предыдущего кодекса, закрепил в статье 58 более детализированные составы: вооружённое восстание, подстрекательство к иностранному вмешательству, участие в массовых волнениях, террористические акты, шпионаж, контрреволюционная агитация, изготовление и распространение враждебной литературы и др. [4, с. 88].

Характерной чертой этих составов было их широкое и зачастую размытое толкование абстрактных оценочных признаков-терминов, что предполагало широкое судебное усмотрение и позволяло на практике применять жесткие репрессии. Санкции варьировались от расстрела и конфискации имущества до лишения свободы, а понятие «мера социальной защиты» отражало не только уголовно-правовую, но и политическую природу наказания, заменённую в последующие годы, как уже говорилось, на более традиционные формулировки.

Кодекс 1926 года действовал вплоть до 1961 года и стал ключевым инструментом репрессивной политики в наиболее напряжённые периоды существования СССР. Важным моментом является то, что в этом кодексе были установлены новые виды преступлений, связанные с политическим устройством Советского Союза, но не было предусмотрено понятие «приготовление к преступлению», которое позже получит широкое распространение, особенно в годы ужесточения контроля за государственной безопасностью.

Ключевым поворотом стало принятие Закона СССР от 25.12.1958 «Об уголовной ответственности за государственные преступления», который отказался от термина «контрреволюционные преступления», заменив его на более универсальные и политически нейтральные понятия – «особо опасные» и «иные государственные преступления» [5, 49]. Закон устранил устаревшие составы и ограничил репрессивность, установив более чёткие критерии квалификации и санкций. Он также впервые прямо выделил внешнюю безопасность в числе охраняемых объектов, расширив сферу применения норм до защиты не только СССР, но и «других государств трудящихся». Указанный закон лег в основу главы о государственных престу-

плениях в УК РСФСР 1960 года, завершив этап формирования советской системы уголовно-правовой охраны государственной и внешней безопасности.

Следующий этап развития (1960–1995 гг.) связан с принятием УК РСФСР 1960 года. В новом УК были добавлены «нормы, связанные с военным временем, такие как уклонение от военной службы, призыва по мобилизации и уклонение от уплаты налогов в военное время». Эти нововведения отражали изменения в социальной и политической ситуации, включая завершение Великой Отечественной войны и необходимость защиты государства от новых угроз [5, с. 51].

В целом, анализируя УК РСФСР 1960 года, можно заметить, что законодательство стало менее репрессивным по сравнению с предыдущими периодами, что указывает на тенденцию к либерализации и гуманизации уголовного права. В результате этого круг лиц, подвергаемых жестким наказаниям, стал значительно уже и внимание законодателей сместилось на действительно опасные деяния, угрожающие безопасности государства, а не на незначительные правонарушения, некоторые с политическим окрасом.

Таким образом, подводя итог вышеизложенному, следует отметить, что развитие законодательства об ответственности за преступления против внешней безопасности государства в советский период прошло от революционно-идеологических норм к более структурированной и юридически выверенной системе. С 1922 года основное внимание уделялось борьбе с контрреволюцией, шпионажем и изменой, что отражало приоритет защиты власти и идеологии. В 1958 году законодатель отказался от термина «контрреволюционные преступления», заменив его понятием «особо опасные государственные преступления», а в УК РСФСР 1960 года усилился правовой подход при одновременной гуманизации санкций. Завершающим этапом развития законодательства стало принятие УК РФ 1996 года, в котором нормы о преступлениях против внешней безопасности государства были систематизированы с учётом новых конституционных принципов, включая приоритет защиты прав личности [6, с. 419].

Далее, рассматривая терминологические аспекты описания преступлений против внешней безопасности, заметим, что одной из ключевых особенностей уголовно-правовой охраны государственной безопасности в зарубежных странах является то, что такие посягательства в большинстве юрисдикций выделяются в самостоятельные и особо значимые составы. К ним, прежде всего, традиционно относят государственную измену и шпионаж. Однако подходы к определению данных деяний, к кругу субъектов, а также к видам наказаний и смягчающим обстоятельствам различаются в зависимости от историко-правовой традиции конкретного государства.

К примеру, в Англии уголовно-правовая охрана государственной безопасности опирается на сложившуюся историко-правовую традицию, бази-

рующуюся в том числе на Законе о государственной измене от 1351 года (Treason Act 1351) [7, с. 69]. Этот акт, принятый ещё в эпоху средневековья, продолжает действовать в редакциях XVIII–XIX вв. и определяет три основные формы измены: попытку убить короля или его близких родственников, ведение войны против короны и оказание помощи врагам Великобритании. В позднейшие законы – Treason Felony Act 1848, Official Secrets Act 1911, 1920, 1939, 1989 – были введены ответственность за разглашение государственной тайны, шпионаж и иные угрозы безопасности. На практике государственная измена наказывается пожизненным заключением, «хотя формально смертная казнь до сих пор не отменена для ряда деликтов, несмотря на её фактическое неиспользование с середины XX века» [7, с. 70].

Во Франции правовая регламентация преступлений против безопасности государства содержится в Книге IV Уголовного кодекса Франции «Преступления и проступки против нации, государства и общественного спокойствия». В главе I этой книги установлена ответственность за государственную измену и шпионаж [8, с. 570]. Существенным отличием в оценке содеянного, фактически повторяя положения УК РФ, является дифференциация субъектов: если преступление совершено гражданином или военнослужащим Франции, то оно квалифицируется как государственная измена; если же лицом без гражданства или иностранцем – как шпионаж. Составы данных преступлений охватывают действия по передаче иностранному государству сведений о государственной обороне, передаче территории или вооружения, а также содействие иностранным государствам в актах агрессии. Согласно французскому законодательству, ответственность за такие деяния может доходить до пожизненного заключения, однако в случае добровольного отказа от совершения преступления и активного сотрудничества с властями возможно снижение наказания наполовину, вплоть до 20 лет заключения.

В Германии посягательства на государственную безопасность закреплены в Уголовном кодексе ФРГ 1871 г. (Strafgesetzbuch, StGB). Соответствующие положения содержатся в разделах § 94–100, объединённых в главу о преступлениях, угрожающих государству. В частности, § 94 определяет государственную измену «как действие, направленное на нанесение ущерба внешней безопасности Германии, в том числе путём передачи государственных секретов» [9, с. 35]. При этом законодатель разделяет обычное разглашение (§ 95 StGB), изменническую агентурную деятельность (§ 98) и сотрудничество с иностранными разведслужбами (§ 99). За наиболее тяжкие деяния предусмотрено наказание в виде лишения свободы, особенно если преступление совершено с использованием служебного положения или привело к тяжким последствиям. Интересной особенностью законодательства Германии является институт «деятельного раскаяния» (§ 83a): если лицо добровольно отказалось от продолжения преступной деятельно-

сти и предотвратило или существенно снизило возможный ущерб, суд может смягчить наказание либо полностью освободить от ответственности.

Особый интерес представляет уголовное законодательство Италии, где единый состав государственной измены отсутствует, однако уголовный кодекс предусматривает комплекс самостоятельных составов, охватывающих изменнические действия. В частности, согласно статьям 243–250 Уголовного кодекса Италии, уголовно наказуемыми являются: контакты с иностранным государством во вред интересам Италии, враждебные действия, направленные на принуждение страны к войне, содействие операциям противника в военное время, участие в займах и торговле с военным противником. Наказания варьируются от 5 до 30 лет лишения свободы в зависимости от степени общественной опасности. Особенностью итальянского права является приравнивание экономических и политических актов содействия противнику к формам измены [10, с. 45].

Также в Княжестве Лихтенштейн, где используется Уголовный кодекс, аналогичный УК Австрии, «государственной изменой признаётся насильственная попытка изменить конституционный строй либо отделить часть территории». При этом субъектом преступления может быть как гражданин Лихтенштейна, так и иностранное лицо. За такие действия предусмотрено наказание в виде лишения свободы от 10 до 20 лет. Шпионаж в уголовном законодательстве Лихтенштейна не выделен в качестве отдельного состава, однако охватывает разглашение государственной тайны, подделку документов, тайную разведывательную деятельность и уничтожение улик, с санкциями от 6 месяцев до 10 лет заключения, в зависимости от степени вины [11, с. 50].

Таким образом, можно заключить, что, несмотря на различие в подходах, ответственность за преступления против внешней безопасности государства в зарубежных странах является приоритетной. Основу составляют государственная измена и шпионаж, которые в разных системах квалифицируются с учетом политического устройства, правовой традиции и уровня угроз. С точки зрения юридической техники в англосаксонской системе, как правило, делается упор на прецеденты и конституционную базу, тогда как в странах континентального права – на детальную систематизацию составов и строгую дифференциацию деяний [12, с. 52]. Общее же – в признании особой опасности подобных преступлений и стремлении законодательных органов обеспечить их надлежащую уголовно-правовую охрану. В этой части технико-юридические подходы континентальных юрисдикций к конструированию норм об охране внешней безопасности государства близки к особенностям регламентации подобных посягательств в отечественном уголовном законе.

Ссылки

1. Богданова Д. М. Государственные преступления: историко-правовой аспект // Скиф. Вопросы студенческой науки. 2022. № 5. С. 116-121. EDN HGMRFD
2. Опокин А. Б. История становления и развития законодательства о государственной измене и шпионаже в России // Государство и право: теория, история, практика. 2014. С. 17-26. EDN SYGMNB
3. Троицкий И. О. Уголовно-правовая характеристика преступлений, посягающих на внешнюю безопасность Российской Федерации // Вестник науки. 2025. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ugolovno-pravovaya-harakteristika-prestupleniy-posyagayuschih-na-vneshnyuyu-bezopasnost-rossiyskoy-federatsii> (дата обращения: 13.05.2025). EDN UNDSSJ
4. Кузнецов А. П. Понятие, общая характеристика преступлений против основ конституционного строя и безопасности государства // Социально-политические науки. 2017. № 4. С. 86-90. EDN ZFDIGR
5. Пономаренко Е. В. Преступления против основ конституционного строя и безопасности государства: учебное пособие. М.: Юрлитинформ, 2016. 190 с.
6. Ермакова О. В. Квалификация преступлений против государственной власти: анализ и оценка следственно-судебной практики // Демидовский юридический журнал. 2024. Т. 14, № 4. С. 418-425. DOI 10.18255/2949-3439-2024-4-418-425
7. Гринько С. Д. Международный опыт правового обеспечения борьбы с государственной преступностью // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Серия: Общественные науки. 2013. № 1. С. 68-70. EDN PXEKQL
8. Воронин В. Н. Качество уголовно-правовой охраны безопасности государства от внешних посягательств // Всероссийский криминологический журнал. 2017. Т. 11, № 3. С. 569-576. DOI 10.17150/2500-4255.2017.11(3).569-576
9. Кулев А. Г. Тенденции развития норм об уголовной ответственности за преступления против основ конституционного строя и безопасности государства // Вестник Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова. Серия Гуманитарные науки. 2014. № 4. С. 34-37. EDN TINKJV
10. Дьяков С. В. Преступления против основ конституционного строя и безопасности государства: уголовно-правовое и криминологическое исследование. СПб.: Юридический центр-Пресс, 2017. 265 с.
11. Трефилов А. А. Уголовная ответственность за государственную измену и шпионаж в уголовном праве Австрии и Лихтенштейна (часть 2) // Марийский юридический вестник. 2016. № 2. С. 47-51. EDN WCNTLN
12. Гешелин М. И. Техника конструирования квалифицированных составов экономических преступлений в уголовном праве Англии и США // Вестник Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова. Серия Гуманитарные науки. 2013. № 2. С. 52-54. EDN QCENQX